

дворцы на Южном берегу. После освобождения полуострова многие партизаны вступили в ряды действующей армии и громили врага уже в её рядах. К сожалению, за редким исключением, в рецензируемом сборнике крайне мало информации об этой стороне освобождения Крыма.

Операция завершилась полным разгромом 17-й армии. Только на суше её потери составили порядка 140 тыс. человек, в том числе свыше 61 тыс. пленными, также она лишилась всей своей техники. Советские войска и силы флота потеряли чуть более 17 тыс. человек убитыми и 67 тыс. ранеными. Разгром крымской группировки противника привёл к ликвидации последнего вражеского плацдарма, угрожавшего тылу действовавших на Правобережной Украине фронтов и создал благоприятные условия для дальнейшего наступления на Балканы.

При этом большинство тех, с кем беседовали члены комиссии, сошлись во мнении, что эти события показали, как изменилась Красная армия за два прошедших года. Фактически это была уже другая армия — и по вооружению, и по материально-техническому оснащению, и по организационной структуре войск, и по управлению ими в операции. Немцы воевали за Крым почти полтора года. Советским войскам потребовалось всего 35 дней, чтобы взломать мощные укрепления противника. Наконец, следует отметить символическое значение операции. Освобождение полуострова (и особенно Севастополя) сопровождалось героизмом и самопожертвованием, прочно вошедшим в историческую память народа.

Таким образом, опыт издания сборника можно признать успешным. История Великой Отечественной войны на территории Крыма, несмотря на уже проделанную работу, всё ещё нуждается в документальных публикациях, прежде всего в «эго-источниках». Актуальность данного издания, оформленного в строгой академической манере, также не вызывает сомнений — составляющие его документы впервые вводятся в научный оборот и имеют значительный информационный потенциал для дальнейших исследований.

Олег Будницкий: Революция памяти: устная история Великой Отечественной войны*

Oleg Budnitskii (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia): Revolution of memory: An oral history of the Great Patriotic War

DOI: 10.31857/S086956870015472-0

Написать полноценную историю Великой Отечественной войны, опираясь только на официальные материалы, пусть даже не предназначенные для публикации и хранящиеся в архивах, невозможно. В особенности это касается социальной истории войны, идёт ли речь о фронте, тыле или оккупированных территориях. Без источников личного происхождения здесь не обойтись, более того, на мой взгляд, они играют во многих случаях ключевую роль. К сожалению, относительно создания и сохранения такого рода источников упущены десятилетия. Сотни, если не тысячи, мемуарных текстов, опубликованных в советское время, по большей части не слишком полезны для историка, в особенности если речь идёт о социальной истории войны. Они могут быть

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

интересны разве что для исследователей «политики памяти». Тексты проходили многоступенчатую редактуру, тщательно цензурировались и унифицировались. Исключения встречались², но они редки. Добавлю, что воспоминания ветеранов почти всегда записывались «литературными неграми». Иногда имена последних обозначались в выходных данных, иногда нет, но в целом процесс создания воспоминаний, преимущественно генералов и маршалов, проходил именно таким образом.

Кроме того, власти препятствовали не просто публикации, но даже сохранению стихийно записывавшихся воспоминаний. Характерна история с предложением К.М. Симонова о создании хранилища «солдатских мемуаров». В 1979 г. он, секретарь Союза писателей СССР и член Центральной ревизионной комиссии КПСС, предложил создать такой архив. Воспоминания предполагалось собирать не для публикации, а с тем, чтобы они, не подлежащие печати по причине их литературной беспомощности, но всё же содержащие информацию, которая может пригодиться будущим историкам, не пропали. Материалы планировалось хранить при Центральном архиве Министерства обороны. Это предложение вызвало категорический протест тогдашних начальников Генерального штаба и Главного политического управления Советской армии. Мотивом стало нежелание плодить разногласия во взглядах на историю войны, а на деле — не допускать трактовок или сведений, отличных от официальных. В итоге Симонов получил ответ из ЦК, что заниматься сбором воспоминаний бывших солдат нецелесообразно³.

Ситуация радикально изменилась в 1990-х гг. В республиках бывшего СССР произошла не только «архивная революция» — случилась «революция памяти». Опубликованы сотни, если не тысячи воспоминаний, в редких случаях написанных в советское время «в стол», но в основном созданных на волне пересмотра официальной истории. С ветеранами войны записывались интервью, делали это преимущественно энтузиасты изучения военной истории, историки-любители⁴. Проблемы с интервьюированием ветеранов очевидны. Во-первых, опрашивались дожившие до конца XX — начала XXI в., тогда как подавляющее большинство ушедших так и остались безмолвными. Во-вторых, интервью давали совсем не те люди, какими они были полвека или более тому назад, — кроме естественной аберрации памяти на рассказах сказывались жизненный опыт, прочитанное, услышанное и увиденное. К тому же они невольно стремились следовать установившемуся канону. Наконец, интервью не всегда брались на профессиональном уровне; они нередко редактировались, причём иногда без оговорок.

С учётом этих обстоятельств становится понятным, какую ценность представляют более 4 тыс. интервью, записанных буквально по горячим следам событий в ходе войны или сразу после её окончания. Причём записанных профессиональными историками. Речь идёт о деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, чаще именуемой «комиссией Минца» по имени её главы и неумолимого «мотора».

² Ерёмченко А.И. В начале войны. М., 1964; Горбатов А.В. Годы и войны. М., 1965; Симонов К.М. Разные дни войны. В 2 т. М., 1977—1978.

³ «Вряд ли правомерно начинать кампанию по сбору воспоминаний участников войны» (Реакция ЦК КПСС на письмо писателя К. Симонова, 1979 г.) // Источник. 2000. № 2. С. 45.

⁴ См., например, сайт «Я помню» (URL: <http://iremember.ru/>).

В ограниченном масштабе документы Комиссии стали доступны исследователям в середине 1950-х гг.⁵ Многие годы архив, хранившийся в Институте истории СССР (с 1992 г. — Институте российской истории), оставался вожделенной целью для историков Второй мировой войны и советского общества в целом. Однако даже в период «архивной революции» он оставался фактически закрыт в силу субъективных причин (если не считать публикации нескольких материалов в сборниках, посвящённых Москве в годы войны⁶). И лишь в последнее десятилетие историки получили возможность работать с этими документами. Результатом, среди прочего, стала публикация нескольких тематических сборников, содержащих стенограммы бесед с военнослужащими. Появились исследования, в значительной степени основанные на материалах Комиссии⁷.

Венчает это «публикаторское десятилетие» внушительный том, посвящённый Крымской наступательной операции апреля—мая 1944 г. Он подготовлен сотрудниками ИРИ РАН А.Г. Гуськовым, К.С. Дроздовым, В.Н. Кругловым, Ж.Я. Рахеевым, В.В. Тихоновым и «примкнувшей к ним» Д.Д. Лотаревой. Ответственный редактор — известный специалист по социальной истории советского общества С.В. Журавлёв⁸. Это прямое продолжение предыдущей работы исследовательского коллектива, в которой изложены методологические основы работы с материалами Комиссии Минца — «Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне»⁹.

Начало систематического введения в научный оборот материалов Комиссии является заслугой профессора Университета Ратгерса Й. Хелльбека, оценившего информационный потенциал этого собрания и потратившего немало

⁵ О существовании архива Комиссии Минца и ценности материалов, в нём отложившихся, было хорошо известно специалистам: Курносов А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 118—132; Лёвшин Б.В. Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. // История и историки: историографический ежегодник. 1974. М., 1976. С. 312—317; Архангородская Н.С., Курносов А.А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и её архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 219—229; Курносов А.А. Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 174—181. Подробнее о деятельности комиссии см.: Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и её архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 123—166; Гуськов А.Г., Дроздов К.С., Круглов В.Н., Лотарева Д.Д., Тихонов В.В. Живые голоса войны: архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны // Российская история. 2015. № 6. С. 158—168.

⁶ Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарёв. М., 1995; Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, В.Н. Пархачёв, А.Н. Пономарёв. М., 2001.

⁷ Schechter B.M. The stuff of soldiers: a history of the Red Army in World War II through objects. Ithaca, 2019. Эта книга в 2020 г. получила престижный *Paul Birdsall Prize*, присуждаемый Американской исторической ассоциацией за лучшую книгу по европейской военной истории после 1870 г.

⁸ Его перу принадлежит, в частности, монография о проекте М. Горького «История фабрик и заводов», ставшего до некоторой степени образцом для Комиссии Минца: Журавлёв С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

⁹ Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / Сост. А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов. М.: СПб., 2015.

усилий на преодоление различных бюрократических препон на пути к нему. Его книга «Сталинградские протоколы» вышла в 2012 г. на немецком языке, три года спустя была переведена на английский и в оригинале (в той части, которая является собственно публикацией стенограмм или их фрагментов) — на русский¹⁰. Эта публикация — монтаж, «нарезка» фрагментов интервью (за небольшими исключениями).

В 2014 г. вышла книга научного сотрудника ИРИ РАН А.В. Марчукова «Герои-покрышкинцы о себе и своём командире», которая содержит полную публикацию стенограмм бесед с военнослужащими 9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии в декабре 1944 г. Командовал дивизией самый известный советский ас — полковник, трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин. Книга также содержит обширный раздел о «боевой работе» героев книги, подготовленный на основе материалов ЦА МО¹¹ и в целом чрезвычайно полезна для «пользователя».

Посмотрим, как публикаторы отвечают на ключевой вопрос, который историк обязан задавать в отношении любого источника: насколько он достоверен? Или, скажем аккуратнее, каковы его особенности? Проблема достоверности, в свою очередь, включает в себя несколько аспектов: а) насколько точно воспроизведены рассказы военнослужащих? б) насколько, используя социологическую терминологию, репрезентативна «выборка» респондентов, произведённая историками? в) насколько достоверны рассказы?

По мнению Хелльбека, стенограммы бесед «в большей степени, чем какой бы то ни было другой известный источник», представляют читателю «объёмную и рельефную картину поступков, мыслей и чувств советских людей — участников войны. Солдаты рассказывают о своей жизни в свободной манере, некоторые — простым крестьянским языком. Иногда возникает впечатление, что слушаешь магнитофонную пленку: настолько полно передан в стенограммах колорит этой речи»¹². Авторы «Вклада учёных-историков...» не без оснований называют эти умозаключения «источниковедческим оптимизмом». Они указывают и на «заметные минусы» стенограмм: «Во-первых, ясно, что перед интервьюируемыми опрошенные использовали сглаженные речевые конструкции, избегая, скажем, нецензурных выражений»¹³, многих неудобных подробностей и сюжетов. Впрочем, в интервью можно нередко найти специфический солдатский сленг... Во-вторых, интервью литературно редактировались перед сдачей в архив. Глубину редактирования теперь выявить практически невозможно, поскольку исходные записи были утилизированы. Тем не менее сохранение индивидуальных черт повествования говорит о том, что редактирование скорее заключалось в том, чтобы придать рассказу связную форму. В-третьих,

¹⁰ Hellbeck J. Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Übersetzung der Protokolle aus dem Russischen von C. Körner und A. Nitschke. Frankfurt a/M, 2012; Stalingrad: the city that defeated the Third Reich / Ed. by J. Hellbeck. N.Y., 2015; Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / Пер. с нем. К. Левинсона; сост. К. Дроздов, Д. Лотарева, С. Маркова, Д. Файнберг, Й. Хелльбек. М., 2015.

¹¹ Марчуков А.В. Герои-покрышкинцы о себе и своём командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014.

¹² Сталинградская битва... С. 12.

¹³ На матерном языке «говорила и думала вся армия» (Померанц Г.С. Записки гадкого утёнка. М.; СПб., 2013. С. 165). Сочный армейский язык, от рядового до генерала, командовавшего фронтом, зафиксирован в записных книжках В.С. Гроссмана (РГАЛИ, ф. 1710, оп. 3, д. 49).

большой проблемой является то, что до сих пор не найдены списки вопросов, задававшихся при опросе. Интервью — это всегда диалог как минимум двух людей, а степень вмешательства интервьюера в рассказ во многом определяет ход интервью, его динамику и содержание»¹⁴.

На отсутствие вопросов в стенограммах обращает внимание и Марчуков. Он, впрочем, не склонен подвергать сомнению сказанное героями его книги: «Божие Провидение незримо присутствует в мире. И вот теперь, когда живых очевидцев уже не осталось, вдруг из прошлого до нас дошли их голоса — да ещё какие! Голоса, сказавшие правду. Голоса, уличившие ложь. Голоса, раскрывшие ещё одну ранее неизвестную страницу о войне и о жизни... Стенограммы, которые вы прочтёте — это слово правды, дошедшее до нас из прошлого»¹⁵.

Понятно, что если в дело вмешалось «Божие Провидение», ставить вопрос о критике источника неуместно. Между тем как раз по поводу записей бесед с «покрышкинцами» среди сотрудников Комиссии Минца развернулась дискуссия, поскольку проводивший их Л.Д. Петров подверг стенограммы стилистической и смысловой правке. А.Я. Грунт выступил резко против этого: «В стенограммах Петрова в каждом герое чувствуется Петров. Нельзя настолько править стенограммы. Иногда кажется, что незачем записывать все повторения героя и шероховатости и корявости его речи. А если очень исправлять стенограммы, то позже получается, что каждый герой был грамотным человеком». А.Л. Сидоров заявил, что он предпочитает выправленную стенограмму необработанной: «Не допуская литературных вольностей и сохраняя специфику, надо было отчеканить то, что изложено в стенограмме». Оставалось неясным, как можно «отчеканить» изложенное без «литературных вольностей». Против правки стенограмм выступили Б.Е. Корфини и А.П. Серцова, которая, в частности, говорила: «С правкой стенограммы я совершенно не согласна. Собираясь писать о том или ином герое, я всегда буду пользоваться стенограммой неправленной, так как, выправляя стенограмму, невозможно не допустить ошибки или изменения смысла сказанного героем»¹⁶.

К сожалению, в Архиве ИРИ РАН сохранились только правленные стенограммы. Получилось, что научный сотрудник Петров редактировал «правду». К примеру, дважды Герой Советского Союза Д.Б. Глинка упомянул, что «жизнь в 1932 и 1933 г. на Украине была неважной»¹⁷. Сам ли он использовал эвфемизм, чтобы не называть голод голодом (ведь официально событие считалось «не бывшим»), или же это результат редактуры Петрова, мы, по-видимому, никогда не узнаем.

Марчуков считает беседы с «покрышкинцами» уникальными по откровенности, поскольку они не предназначались для публикации. Поэтому «люди не боялись быть не так понятыми и сказать лишнее о ком-то или о чём-то, не имели причин кому-то льстить, не думали о том, что говорить надо “правильно”... Над ними не довлела цензура или самоцензура»¹⁸. Этот довод не считают убедительным его коллеги, которые резонно полагают, что искренность интервьюируемого вряд ли определяется тем, будет ли опубликован его рассказ или

¹⁴ Вклад учёных-историков... С. 133.

¹⁵ Марчуков А.В. Герои-покрышкинцы... С. 8, 18, 20.

¹⁶ Вклад учёных-историков... С. 110—111.

¹⁷ Марчуков А.В. Герои-покрышкинцы... С. 122.

¹⁸ Там же. С. 9.

нет. Ведь в советское время «даже неопубликованный документ мог доставить человеку большие неприятности»¹⁹.

И в самом деле — нередко во время войны люди осуждались за записи в дневниках, не предназначенных для чужих глаз. Литератор, военный корреспондент Д.В. Фибих в 1943 г. был приговорён к 10 годам заключения в лагерях, поскольку имел неосторожность назвать в дневнике Л.Д. Троцкого хорошим оратором²⁰. Сержанта М.А. Берлянда приговорили к 8 годам за ведение и хранение с сентября 1942 по апрель 1943 г. дневника «контрреволюционного содержания»²¹, лейтенанта В.Ф. Егорова — к 7 годам за запись в дневнике, «выразившуюся в клевете на советское правительство, Красную армию, народ и колхозный строй»²². Это лишь немногие из десятков случаев, встречающихся в судебном-следственных делах военного времени. Является ли текст «клеветническим» или «контрреволюционным», разумеется, определял следователь.

Таким образом, сравнивать стенограммы с магнитофонной записью не приходится: записанные рассказы довольно логичны, говорят военнослужащие в основном грамматически правильно построенными фразами, междометия, почти всегда сопровождающие устную речь, вычищены, и т.д., и т.п. Однако во многих случаях своеобразие, стиль речи респондентов всё же переданы.

Авторы «Вклада учёных-историков...» приводят ряд убедительных аргументов, «позволяющих оптимистично смотреть на стенограммы как исторический источник». Во-первых, это близость записанных рассказов к событиям: «Теоретически это позволяет зафиксировать впечатления от происходящего по горячим следам». Сопоставляя мемуары и интервью, взятые у участников войны много лет спустя после её окончания, со стенограммами Комиссии, авторы совершенно справедливо усматривают главные недостатки текстов позднейшего времени не только в их удалённости от событий. Не меньшее, если не большее, значение имеют «заданные социальные рамки памяти». Нередко в рассказах ветеранов начинает превалировать «общественно одобряемый образ войны», а аутентичный «язык войны» перемешивается с «современным языком описания войны, навязанным официальной версией истории». В случае с беседами, проведёнными Комиссией, «подобные недостатки минимизируются»: «Интервью в подавляющем большинстве представляют живую речь. Это можно связать с тем, что в годы войны ещё не сложился общепринятый язык её описания. Большинство клише... пришли в жизнь фронтового поколения много позже и были закреплены через газеты, телепередачи, митинговые лозунги, вечера памяти и мероприятия, связанные со встречей однополчан»²³.

Ещё один аргумент в пользу достоверности и верифицируемости содержащейся в стенограммах информации: «Большинство стенограмм образуют особые тематические комплексы». Например, комплекс стенограмм о битве под Москвой, Сталинградской битве, партизанском движении и т.д. Это является «определённой гарантией от серьёзных искажений», ибо одни и те же события описываются разными людьми, и такой «стереоскопический» взгляд позволяет составить целостную картину²⁴.

¹⁹ Вклад учёных-историков... С. 132.

²⁰ Фибих Д. Двужильная Россия. М., 2010. С. 311—315, 550—564.

²¹ ГА РФ, ф. Р-7863, оп. 2, д. 64, л. 156 об.

²² Там же, д. 21, л. 78.

²³ Вклад учёных-историков... С. 134.

²⁴ Там же. С. 134—135.

Принципы, заявленные во «Вкладе учёных-историков...», авторский коллектив реализовал при публикации крымских интервью. Опубликован весь комплекс стенограмм, относящихся к наступательной операции 1944 г. и предварявшим её десантным операциям предыдущей осени. Почти все тексты опубликованы без каких-либо сокращений, включая рассказы респондентов об их жизненном пути, участии в предшествующих боевых действиях. Сокращения сделаны в тех случаях, когда стенограммы объёмны, а рассказ респондента выходит далеко за пределы темы сборника, — как, например, в случае с очень обширным интервью начальника штаба знаменитого женского ночного бомбардировочного полка И.В. Ракобольской. Опущены также подробные биографические сведения об упоминаемых людях. Последнее вызывает сожаление, ибо стенограммы, среди прочего, отличный источник по социальной истории советского общества.

Публикация сопровождается вступительными статьями ко всему тексту, а также вводными статьями к каждому из разделов сборника. Текст снабжён содержательным комментарием, аннотированным указателем имён и географическим указателем. В целом это классическая академическая публикация. Отдельные соображения и комментарии публикаторов небесспорны, однако «законы жанра» выдержаны последовательно.

Состав респондентов довольно типичен для материалов Комиссии и напоминает перевёрнутую пирамиду: бесед с генералами (6) историки провели больше, чем с рядовыми (5). Всего записаны 45 интервью с военнослужащими: 10 с рядовыми, сержантами и старшинами и 35 с офицерами (от младшего лейтенанта до генерала). Среди офицеров преобладали старшие и высшие: 4 майора, 2 подполковника, 9 полковников и 6 генералов — 5 генерал-майоров и генерал-лейтенант (командующий 51-й армией Я.Г. Крейзер). Среди 10 рядовых, сержантов и старшин 6 — Герои Советского Союза. Всё это неслучайно. Задачей историков, в конечном счёте, являлось создание героического нарратива. Как справедливо указано в археографическом предисловии, «в условиях мобилизации всех сил на отпор врагу научные задачи тесно переплетались с агитационными — с выявлением, фиксацией в ходе сбора материалов и последующей пропагандой фактов героизма советских воинов» (с. 11).

Львиная доля текстов посвящена планированию операций командованием и реализации этих планов на земле, воде и в воздухе. Чисто военные аспекты занимают центральное место в рассказах и рядовых, и генералов. Введённые в научный оборот источники «позволяют вплотную подойти к разностороннему и полифоничному показу боя» (с. 16), однако содержат немало сведений о том, что принято называть повседневной жизнью на войне: представлениях военнослужащих о добре и зле, их предшествующей жизни в мирное и военное время.

Материал чрезвычайно богат. Я ограничусь анализом отдельных аспектов публикации, в особенности вопросом о методике работы с источниками военного времени. В одной из вступительных статей наступательная операция резонно рассматривается в контексте борьбы за Крым начиная с 1941 г. Тем более что она оказалась до некоторой степени зеркальной по отношению к операции вермахта по захвату полуострова (в особенности это касается битвы за Севастополь). Полагаю, однако, что некоторые приводимые данные требуют существенного уточнения. В литературе до сих пор встречается утверждение о том, что немецкие войска потеряли в боях за Севастополь с ноября 1941 по

июнь 1942 г. 300 тыс. человек (с. 22). Источник этих сведений — сообщение Совинформбюро от 4 июля 1942 г. В нём также говорилось, что за 25 дней штурма города противник потерял «150.000 солдат и офицеров, из них не менее 60.000 убитыми» и что советские «бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы»²⁵.

Сказанное имело мало отношения к действительности. За время обороны (с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 г.) потери РККА и ВМФ составили 200 481 человека, причём 156 880 (почти 78%) являлись безвозвратными²⁶. Эвакуировали лишь командование, основная же масса защитников (97 тыс. человек, около трети из них раненые) попали в плен. Для сравнения — согласно сообщению Совинформбюро, пропали без вести 8 300 военнослужащих. Погибли при обороне города во время его третьего штурма около 18 тыс. защитников Севастополя. Согласно архивным данным, в достоверности которых нет оснований сомневаться²⁷, за 33 дня битвы за Севастополь в июне—июле 1942 г. 11-я армия вермахта потеряла 35 866 человек (около 18% от её численности в начале сражения), в том числе 5 786 убитыми и пропавшими без вести. 200 офицеров были убиты и 570 ранены. Вдобавок моральное состояние войск после месяца ожесточённых боёв, проведённого в окопах, зачастую рядом с трупами, быстро разлагавшимися на жарком крымском солнце, было далёким от боевого. Армия нуждалась в отдыхе и пополнении и как минимум на месяц потеряла боеспособность. Это было чрезвычайно важно, учитывая развернувшееся сражение в междуречье Дона и Волги. Потери румынских войск, находившихся в оперативном подчинении 11-й армии, составили 8 454 человека, включая 1 874 убитых и пропавших без вести. Таким образом, несмотря на то что потери противника оказались в разы меньше объявленных Совинформбюро, отчаянное сопротивление защитников Севастополя внесло вклад в исход кампании 1942 г.²⁸

Совинформбюро являлось не столько информационным, сколько пропагандистским органом²⁹. Сообщение о многократно завышенных потерях противника — не исключение, такие стандарты были заданы с самого начала войны. 14 июля 1941 г. в сообщении Совинформбюро говорилось: «Лучшие немецкие дивизии истреблены советскими войсками. Потери немцев убитыми, ранеными и пленными за этот период боёв исчисляются цифрой не менее миллиона»³⁰. Советским гражданам оставалось гадать, почему же Красная армия продолжает отступать. 7 ноября Сталин заявил, что «за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат»³¹. Не прошло и трёх недель, как потери противника по версии Совинформбюро достигли 6 млн

²⁵ 250 дней обороны Севастополя. Наши войска оставили Севастополь // Правда. 1942. 4 июля. С. 1.

²⁶ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / Сост. Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков. М., 2009. С. 178, табл. 35.

²⁷ Архивы 11-й и 17-й армий вермахта после войны были вывезены в США, микрофильмированы и находятся в свободном доступе в Национальном архиве США (National Archives and Research Administration).

²⁸ Forczyk R. Where the iron crosses grow: the Crimea 1941—44. Oxford, 2016. P. 213—214.

²⁹ См. подробнее: Berkhoff K. Motherland in danger: Soviet propaganda during World War II. Cambridge, Mass.; L., 2012.

³⁰ От Советского Информбюро (вечернее сообщение 13 июля) // Правда. 1941. 14 июля. С. 2.

³¹ Правда. 1941. 8 ноября.

убитыми, ранеными и пленными³². 23 июня 1942 г., подводя итоги первого года войны, Совинформбюро сообщило, что германские потери составили около 10 млн человек, в том числе 3,5 млн убитыми³³. 25 июня того же года начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер занёс в дневник сведения о потерях вермахта с 22 июня 1941 по 20 июня 1942 г. Они составили 1 299 784 человека (из них убитыми 271 511, пропавшими без вести 60 520 военнослужащих). Это были огромные потери: они составляли 40,62% средней численности германских войск на Восточном фронте (около 3,2 млн человек)³⁴. Запись Гальдера — вовсе не «ответ» Совинформбюро: сведения о потерях он заносил в рабочий дневник регулярно, начиная с 3 июля 1941 г.

Понятно, что советское руководство не имело точных сведений о потерях противника. Столь же очевидно, что Сталин сознательно санкционировал публикацию существенно преувеличенных данных. Он лично утверждал цифры, представлявшиеся ему начальником Совинформбюро А.С. Щербаковым³⁵. Смысл этих действий объясним — обнадёжить, подбодрить население и армию. Однако такого рода пропаганда имела скорее обратный эффект. Как лапидарно выразился один из красноармейцев, реагируя на сообщения газет: «Всё це брехня»³⁶. Формулы обвинения тысяч судебных дел военного времени содержат стандартные обороты вроде «высказывал неверие в сообщения советской печати», «возводил клевету на советскую печать», «клеветал на органы НКВД и сов. прессы», «высказывал недовольство сов. печатью и Совинформбюро», «клеветал на советский строй и Совинформбюро» и т.п.³⁷

Особое раздражение вызывали сообщения о подвигах на фоне информации о сдаче городов. М.М. Пришвин записал в сентябре 1941 г.: «Везде только слухи и официальная ложь. Но никакие слухи не действуют так разрушительно, как сведения по радио о героических подвигах. Сводки Информбюро разрушают весь нравственный мир тыла. Слушать радио никто не может... По радио, что Киев взяли, и вслед за этим героические анекдоты и что наша авиация сбила 60 германских самолётов, потеряв 20 своих. Всегда раза в три-четыре»³⁸. Стиль не слишком изменился и полтора года спустя. Вс. Иванов записал в марте 1943 г.: «Последние известия: обычная вермишель о подвигах, которых запомнить невозможно»³⁹.

Вопрос о том, насколько широко были распространены такие настроения и как они менялись со временем, в особенности с переходом Красной армии в наступление (после чего у Совинформбюро появилось гораздо больше на-

³² Смехотворные измышления гитлеровских фальшивомонетчиков о потерях советских войск // Правда. 1941. 26 ноября. С. 1.

³³ Политические и военные итоги года отечественной войны // Правда. 1942. 23 июня. С. 1. В этом же сообщении названо число уничтоженных немецких танков (свыше 24 тыс.), превышавшее количество всех танков, находившихся на вооружении вермахта со времени его создания в 1935 г.

³⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 274—275.

³⁵ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941—1945. М., 2010. С. 136.

³⁶ Славгородский Г.В. Фронтовой дневник 1941—1945 / Отв. сост. А.Б. Изюмский. М., 2017. С. 38.

³⁷ См., например: ГА РФ, ф. Р-7863, оп. 2, д. 26, л. 1 об.—7 и др.

³⁸ Пришвин М.М. Дневники. 1940—1941. М., 2012. С. 597, 598.

³⁹ Иванов В.В. Дневники. М., 2001. С. 292.

стоящего материала для оптимистичных сообщений), требует дополнительного изучения.

При комментировании стенограмм публикаторы активно использовали информацию, размещённую в открытом доступе в базе Минобороны «Подвиг народа»: «Это связано с тем, что данные наградных документов во многом уточняют и расширяют информацию, сообщаемую респондентами в ходе бесед» (с. 17). Однако сведения о боевых достижениях представляемых к наградам могут быть, на мой взгляд, скорее отправной точкой для исследования, нежели бесспорным свидетельством того, что происходило в действительности. Представления — произведения особого жанра. Их главная цель — добиться награждения военнослужащего. Некоторые (а иногда и очень существенные) преувеличения потерь противника выступали здесь скорее нормой, чем исключением. Бойцы это вполне понимали. К примеру, красноармеец А.Я. Пригара, рассказывая, что при высадке десанта на Эльтиген уничтожил 26 солдат и офицеров, дипломатично пояснил: «Так командование считало, а я не считал — вижу кучи немцев, и всё». Представляя его к званию Героя Советского Союза, командование увеличило число убитых им военнослужащих противника почти вдвое: «Действуя исключительно смело и храбро, тов. Пригара подполз к траншеям и забросал их гранатами, уничтожив при этом 35 немецких солдат и один ручной пулемёт. В этом бою тов. Пригара вступил в рукопашную схватку и ещё уничтожил 15 солдат» (с. 121—122, примеч. 15).

Другой участник освобождения Крыма, командир взвода автоматчиков разведывательной роты 26-й мотострелковой Сивашской бригады, кавалер ордена Красной Звезды сержант Ю.А. Кожин вспоминал: «По поводу наград командир полка говорил как-то: если кто-то чувствует себя обделённым, пусть приходит ко мне и говорит — я подбил танк или взял в плен семерых... разберёмся... В статусах наград количественно определялась их стоимость, и составитель наградных представлений должен был обладать смелой фантазией. К концу войны отношение к наградным представлениям изменилось. Стало ясно, что для уже выданных наград не хватит вермахта, да и всех вооружённых сил мира»⁴⁰. Описание подвига Кожина в наградном листе в точности соответствует приведенной им практике представлений: «8.10.44 в районе Вечёра, будучи в головном дозоре со своим отделением, встретился с автоматчиками противника. Тов. Кожин об этом сообщил в ядро, а сам с двумя автоматчиками скрытно обошёл с заду немцев и открыл по ним ураганный автоматический огонь, где немцы в панике бежали и на поле боя осталось 7 немцев, а одного взяли в плен, который дал командованию ценные сведения»⁴¹.

Безусловно, сержант, призванный в армию в 1943 г. в 18-летнем возрасте и успевший к моменту награждения повоевать на трёх фронтах и получить ранение, заслуживал награды. Однако наградная система СССР, в отличие от большинства других стран, не предусматривала награждение за участие в определённой кампании или за определённое число дней, проведённых на фронте. Чтобы отметить того или иного военнослужащего, командиру зачастую было проще вписать в наградной лист определённое число уничтоженных солдат или боевой техники противника. Статуы некоторых орденов предусматривали чрезвычайно высокие количественные показатели. В частности, орденом

⁴⁰ Кожин Ю.А. Цена жизни (URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/kozhin_ua/index.html).

⁴¹ URL: <http://podvignaroda.ru/?id=27615269&tab=navDetailManAward>

Отечественной войны 1-й степени мог быть награждён тот, кто, среди прочего, «лично уничтожил 2 тяжёлых или средних или 3 лёгких танка (бронемашины) противника», а орденом Славы — тот, кто «из личного оружия меткой стрельбой уничтожил от 10 до 50 солдат и офицеров».

Неудивительно, что в наградных листах обычно говорится об уничтожении как минимум нескольких вражеских солдат и офицеров. Часто речь идёт о десятках, иногда — сотнях убитых. В базе «Подвиг народа» содержится около 12,5 млн записей о награждении орденами, а также медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги»⁴². Львиная доля награждений приходится на 1944 и 1945 гг. (4,3 млн и 5,47 млн соответственно)⁴³. В конце войны и по её окончании справедливо стремились наградить всех военнослужащих, находившихся в действующей армии и ещё не имевших наград, а также 1,5 млн военнослужащих, выбывших по ранению и ранее не награждавшихся⁴⁴.

К примеру, лейтенант, военный переводчик 7 мая 1945 г. получил орден Красной Звезды. Резонно предположить, что награду он заслужил прежде всего профильной деятельностью — во время боёв в Берлине в апреле 1945 г. быстро опрашивал пленных, «выявляя численный состав противостоящего противника, его огневые средства и места их размещения». Представление, видимо, для верности, завершается фразой «лично им было уничтожено восемь немцев»⁴⁵. Другой случай: в мае 1945 г. начальство подсчитало, что ранее не награждавшийся ефрейтор за время боёв в Белоруссии, Прибалтике и Восточной Пруссии огнём из пулемёта и карабина уничтожил 62 немца и ещё 36 взял в плен⁴⁶. За это его представили к медали «За боевые заслуги», ставшей для него единственной наградой.

Похоже, и представлявшие к наградам, и утверждавшие награждения вполне понимали (подобно командиру части, в которой служил Кожин) условность цифр, содержащихся в наградных листах. Это не ставит под сомнение воинскую доблесть награждённых. Очевидно, что в основе представлений их к наградам лежали реальные деяния. Более того, каждый отдельный подвиг, сколь бы преувеличенными ни казались потери, вполне мог быть именно таким, каким он описан в наградном листе. Другое дело, что совокупность потерь противника, если опираться на наградные документы, даже по самым осторожным подсчётам существенно превосходит численность вермахта. Таким образом, использовать количественные данные, приведенные в этом источнике, для верификации интервью военнослужащих следует очень аккуратно. В некоторых случаях, наоборот, скорее рассказы бойцов могут скорректировать сведения, содержащиеся в официальных документах.

Ракобольская говорила, что никогда не видела такой израненной земли, как в Крыму. Её слова обоснованно взяты эпиграфом к сборнику. Полуостров был чрезвычайно обильно полит кровью даже по «стандартам» «абсолютной войны», как не без оснований назвал боевые действия на Восточном фронте

⁴² URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navAbout>

⁴³ Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (справочно-статистические материалы) / Под ред. А.П. Белобородова. М., 1963. С. 380—382.

⁴⁴ Офицерский корпус и кадровые органы Вооружённых сил России: краткий документально-исторический очерк / Под ред. Н.А. Панкова. М., 2003. С. 125.

⁴⁵ URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=37377515&tab=navDetailDocument>

⁴⁶ URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=29541291&tab=navDetailDocument>

К. Беллами⁴⁷. Потери РККА в боях 1941—1944 гг. составили в общей сложности около 700 тыс. человек, при этом безвозвратные превысили 450 тыс. Львиная доля пришлась на 1941—1942 гг.: почти 600 тыс. человек⁴⁸. Потери 11-й армии вермахта в 1941—1942 гг. составили 96 тыс., в том числе безвозвратные — 21 600 человек. Румынские войска потеряли 19 тыс., так что общие потери противника достигли 115 тыс. военнослужащих⁴⁹.

Положение радикально изменилось в 1944 г. Превосходство советских войск являлось подавляющим по всем параметрам — численности личного состава (более чем в 2 раза), огневой мощи, танкам, авиации. Но дело не только в этом. Заметно возрос профессионализм командного состава. В совокупности указанные факторы привели к тому, что среднесуточные потери РККА и ВМФ оказались существенно ниже средних по сравнению со стратегическими операциями первых пяти месяцев 1944 г.: 2 423 человека в день против 9 923. В абсолютных цифрах потери советской стороны составили 84 919 человек, в том числе безвозвратные — 17 754⁵⁰, что составило около 18% общей численности войск, задействованных в операции. Это как будто специально подчёркивало зеркальность событий: такую же долю составили потери вермахта при штурме Севастополя в июне 1942 г.

Возможно, самый тяжёлый подготовительный этап Крымской операции связан с форсированием Сиваша. Это следует из интервью как солдатских, так и генеральских. «Я этого Сиваша не знал, и век чтобы мне не знать», — говорил сапёр рядовой Е.Я. Тищенко (с. 378). По словам генерал-майора комкора П.К. Кошевого, «переправа через Сиваш... это вообще жуткое дело, это “Чёртов мост” суворовский» (с. 359). История переправы, с одной стороны, демонстрирует профессионализм и самоотверженность, с другой — позволяет понять, почему победы и на завершающем этапе войны давались столь дорогой ценой. Сиваш пришлось переходить в ледяной воде. Начальник оперативного отдела штаба 51-й армии подполковник В.Е. Титов рассказывал: «Люди, переправлявшиеся через Сиваш, очень часто были по грудь в воде, а другие переходили по колено. Форсирование было вброд. Кто переходил в сапогах, кто без сапог, кто в штанах, кто без штанов. Холодно, солёная вода... Буквально всё перетаскивали на себе. Потом подтянули переправочные средства, лодки. Лодки на вёслах идти не могли, потому что мелководье. Лодки ташили на себе по илу. Некоторые лодки таскали по 40—30 человек. Для того чтобы пройти пешком туда, нужно 45 минут, а для того, чтобы протянуть лодку, нужно было полтора часа. Люди иногда находились в воде непрерывно по 3 и больше часов. Очень часто можно было наблюдать наших бойцов заколоченными, у него отказывают руки, ноги, и он падает. Его поднимают, кладут в лодку, к костру, начинают растирать, приводить в чувство. Были такие случаи, когда у бойца начинаются судороги, он падает и подняться не может, захлабывался и всё» (с. 326). По словам начальника артиллерии 51-й армии генерал-майора Н.И. Телегина, «люди шли по солёной воде, разъедающей ноги, тело, тонули в илистом дне, замерзало тело просто. Кровь замерзала при выходе на тот берег. Были смертельные случаи» (с. 287).

⁴⁷ Bellamy C. Absolute War: Soviet Russia in the Second World War. L., 2007.

⁴⁸ Великая Отечественная без грифа секретности... С. 178, табл. 35; 102, 214.

⁴⁹ Forczyk R. Where the iron crosses grow... P. 216.

⁵⁰ Великая Отечественная без грифа секретности... С. 73, табл. 34; 143.

Ключевую роль в организации форсирования сыграли, очевидно, заместитель командующего 51-й армией по инженерным войскам генерал-майором А.Н. Баженов и командир 12-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады полковник П.Г. Павлов. Первый — редкая птица среди героев Крымской эпопеи: происходил из «бывших». Его отец, офицер Императорской армии, в 1917 г. получил чин генерал-майора, служил в РККА, «по старости лет демобилизовался году в 1919-м и на советской службе служил тихонечко до 1924 г., а затем умер» (с. 301). Сын, мобилизованный в 1919 г., пошёл по стопам отца. Характерно, что он вступил в партию только в 1943 г., поздновато для командира его уровня. Вряд ли можно сомневаться, что сделать это раньше мешало происхождение. В годы войны приём в партию существенно облегчили.

Перед бригадой Павлова стояла задача в кратчайшие сроки построить мост через Сиваш, рассчитанный на нагрузку в 16 т. Построить обычный мост на сваях, учитывая глубину ила на дне залива, оказалось невозможно. За ночь с 7 на 8 ноября 1943 г. специалисты бригады под его руководством разработали проект не на сваях, а на рамах с деревянными «подушками» внизу, не предусмотренный никакими инструкциями и наставлениями. Мост строили подручными средствами, а материалы (прежде всего лес) пришлось доставлять с территорий от Мелитополя до Херсона. Строительство моста длиной свыше 2 км и шириной 320 м в условиях штормящего моря и налётов немецкой авиации Павлов назвал «эпопеей героической». В нём приняли участие 2 500 человек, потери составили 230. Начали 12 ноября, закончили 9 декабря (с. 383—384).

Оборотная сторона героизма — непредусмотрительность начальства и всё ещё недостаточная техническая оснащённость армии. Кажется почти невероятным, что командование, планировавшее стратегическую операцию, не озаботилось вопросом форсирования залива заранее. О происходившем откровенно рассказал Телегин: «Особой подготовки к форсированию Сиваша мы не вели. Это, может быть, наш недостаток, что мы не предвидели этого дела и нас не ориентировали сверху. Поэтому, когда дивизии наши подошли к Сивашу, оказались в положении обычной пехоты, которая может идти, стрелять, продвигаться, переползать, но никак не приспособлена к тому, чтобы идти по морю, да ещё гнилому и не изученному. Не было никаких материалов к этому времени... и начали форсировать Сиваш, рассчитывая *исключительно на героизм народа нашего* (курсив мой. — О.Б.), на воодушевление его, на способность переносить тяжёлое напряжение» (с. 286). Народ не подвёл, но «тяжёлое напряжение» перенесли не все. Некоторые остались на дне залива. По словам Кошеного, «сапёр[ов] погибло невероятное количество. Построят, [немцы] разобьют, потом подул ветер, и всё это дело размывало, начиная сизнова». Переправлявшихся через Сиваш он назвал «мучениками» (с. 360). Обращает на себя внимание ещё один момент — отсутствие строительной техники. Во всяком случае, ответственные за строительство переправы её вовсе не упоминают, даже не сетуют на её отсутствие. Большой проблемой оставался транспорт. По расчётам Павлова, для доставки лесоматериалов требовалось 200 грузовых машин. Наскребли меньше 90. Помог командующий 51-й армией генерал Крейзер, выделивший «130—140 подвод, подвозивших рельсы для устройства прогонов на мосту» (с. 382).

РККА имела подавляющее превосходство в огневой мощи. При штурме Сапун-горы планировалось 45 минут артиллерийской подготовки и 4,5 часа сопровождения атаки. По словам Кошеного, «общий расход боеприпасов на

это дело планировался 4,5 боевых комплекта. Такой операции я нигде не видел. Это был Содом и Гоморра». Однако когда подобрался к вершине, оказалось, что «нет снарядов, всё выдохлось... Настроение у войск было жуткое». Генерал вызвал авиацию: оказалось, что у штурмовиков тоже закончились снаряды («гороха нет», как сообщил на условном языке командующий 8-й воздушной армией генерал-лейтенант Т.Т. Хрюкин). Кошевой не растерялся и приказал лётчикам сделать два захода на немецкие позиции. Немцы, не подозревая, что штурмовики им ничем не угрожают, не высовывались из окопов, и под прикрытием гудящих самолётов пехота быстро подобралась к вершине и захватила её (с. 361—362). С одной стороны, можно (и должно) восхищаться сметкой комкора, с другой — встаёт вопрос о качестве планирования операции и взаимодействия родов войск: в решающий момент штурма, при подавляющем превосходстве в артиллерии и авиации, пехота оказалась без огневой поддержки!

Любопытно, учитывая отборный состав респондентов, что имя Сталина встречается лишь в 10 из 45 интервью, причём в половине случаев как автора приказов. Слова Героя Советского Союза сержанта К.С. Алексеенко как будто взяты из газетной передовицы: «Я перед боем, вступая в ряды ВКП(б), дал обещание ещё беспощаднее истреблять немецких варваров и с честью выполнить приказ любимого вождя и полководца тов. Сталина, оправдать высокое доверие партии и правительства» (с. 125). Лозунг «За Родину! За Сталина!» упоминается в двух стенограммах. Об этом говорит Герой Советского Союза комбат Л.А. Бутков, вспоминая о бое 19 января 1942 г. под Артёмовском. В то время он служил пулемётчиком; в атаке на вражеские блиндажи его ранило в подбородок и разорвало кончик носа. Тогда он «бросился вперёд с криком: “За родину!”, “За Сталина!”» и забросал вражеские блиндажи гранатами (с. 145).

Для формирования канона истории войны показательны два интервью с Героем Советского Союза, командиром взвода, старшим лейтенантом Р.К. Акопяном. Первое проведено 25 сентября 1944 г. в Москве сотрудниками Комиссии, второе — 29 августа 1945 г. в Ереване сотрудниками Кабинета истории Отечественной войны при Институте истории АН Армянской ССР. Во втором интервью он рассказал, что при штурме Армянска 8 апреля 1944 г. поднял роту в атаку, воскликнув: «“Взвод, роты, со Сталиным — вперёд!” Ребята как один с возгласами “Ура! Вперёд, за Сталина!” бросились в бой» (с. 452). В первом интервью об этих словах речи нет. Вполне вероятно, что они перекочевали в послевоенную беседу из наградного листа, в котором говорилось: «Товарищ Акопян с призывом “За Родину, за Великого Сталина!” поднял свой взвод в атаку» (с. 449, примеч. 22).

«Политически правильно» высказался Телегин: «Исторический приказ Сталина открыл нам громадное значение Мелитополя. Мы сами не знали, что Мелитополь — ключ к Крыму». Речь шла о приказе от 23 октября 1943 г., в котором давалась высокая оценка взятию города, решающую роль в котором сыграла 51-я армия. Телегин явно лукавил, ибо трудно представить, что генералы не понимали стратегического значения операции, которую они планировали и осуществляли (с. 285).

Наиболее интересный сюжет встречается в беседе с лётчиком, Героем Советского Союза капитаном В.Д. Борисовым. Это редкая стенограмма, которая содержит вопросы. Сотрудник Комиссии В.Л. Логинова задала вопрос, относящийся ко времени Сталинградской битвы: «Вам не приходилось встречаться

с тов. Сталиным? Откуда Вы знали о пребывании тов. Сталина на фронте?». Нетрудно заметить как бы утвердительную форму вопроса. В предшествующей части беседы вождь не упоминался. Остаётся гадать, сама ли Логинова верила в его поездку или же так готовилась почва для легитимации легенды. Борисов, несомненно, верил: «Вы знаете, что шила в мешке не утаишь. Он был в стенах Сталинграда, в этих же окопах, в этих же развалинах. Конечно, в авиацию он не мог попасть, так как авиация далеко стоит. Моральный дух нужно было поднять. Он был там до приказа». Речь шла о приказе № 227 («Ни шагу назад!») (с. 230).

В стенограммах можно найти ещё множество сведений как по истории планирования и проведения военных операций, так и по истории «повседневной» жизни на войне. Беру слово «повседневная» в кавычки, ибо к жизни рядом со смертью такое определение не очень подходит. Правда, и смерть становится привычной. Сержант Алексеенко в ночь с 21 на 22 июля 1943 г. разливал водку своим бойцам («а это главное перед наступлением», пояснил он сотруднику Комиссии). Когда налил четвёртому, тот «только поднял чарку: “Ну, господи, благослови”, как грянул снаряд, ему весь затылок вырвало». Самому сержанту осколок попал в локтевой сустав на правой руке, и он выронил бутылку из рук. «Ох, — говорю, — ничего руки не жалко, литр водки жалко» (с. 124). Это и есть военная «повседневность», когда внезапная смерть товарища или ранение — обыденность, и вспоминаются в связи с потерей «ценного ресурса».

На мой взгляд, стенограммы бесед заслуживают оцифровки и размещения в качестве общедоступной базы на сайте ИРИ РАН. Это не исключает публикации отдельных комплексов в книжном формате, в соответствии с академическими стандартами. Такую работу можно уподобить огранке алмаза, которым, несомненно, является этот уникальный источник.

Елена Сениявская: Кое-что об «устной истории»: размышления над сборником документов

Elena Senyavskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Something about «oral history»: reflections on a collection of documents

DOI: 10.31857/S086956870015473-1

На закате СССР и особенно в начале постсоветского периода в отечественной исторической науке уверенно заявило о себе и стало быстро набирать популярность направление «устной истории», уже известное в западной историографии как *«oral history»*. При этом в массовое сознание активно внедрялось представление, что именно зарубежные исследователи — первооткрыватели и первопроходцы на благородном поприще записи и сохранения для потомков «голосов прошлого», показывающих роль и место «маленьких людей в большой истории». Известные ещё с 1970-х гг. пронзительные книги советских писателей и публицистов (А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник «Я из огненной деревни» (1973); А.М. Адамович, Д.А. Гранин «Блокадная книга» (1977); С.А. Алексиевич «У войны — не женское лицо» (1984) и «Последние свидетели» (1985), и др.), основанные на записи свидетельств участников и современников Великой Отечественной войны, признавались лишь робкой попыткой решить проблему «литературно-художественными методами», т.е. достойной уважения, но далёкой от исторической науки.